

Александр Д.

По эту сторону «Кремлевской стены»

Встр. Москва, 1993 - 2006 - 6.3

Есть люди, которых невозможно представить отдельно друг от друга. Даже, если закрыть глаза, сжать кулаки и... нет, все равно не получается, настолько они близки. Когда Алексей появляется в своем кабинете, значит, где-то рядом находится и Валентина. Что же тогда говорить о передаче «За Кремлевской стеной», которую супруги ведут вместе. Поэтому и на вопросы корреспондента «ВМ» они отвечают, конечно же, вдвоем. Алексей Пиманов и Валентина Жданова.

— Старая китайская поговорка гласит: «Самый длинный путь начинается с первого шага». С чего начинали вы?

А. — На телевидение я пришел в 1985 году. В то время я уже печатался и твердо знал (простите за самонадеянность), что буду тележурналистом. Специально пошел в отдел оперативных съемок, постепенно освоил камеру, затем монтаж. Потом стал снимать как оператор. Два года подряд проходил школу, которую я нигде бы больше не прошел: каждый день ездил на съемки с разными режиссерами, журналистами. Во время работы они невольно раскрывали свои секреты, а я старался запоминать все — и плюсы, и минусы. Даже завел себе тетрадь, куда записывал все, что увидел за съемочный день. И снимал, снимал до одурения. Ну а дальше, когда посчитал, что созрел, стал работать в программе «Ступени» редактором, спецкором, комментатором. Параллельно снимал как автор и режиссер несколько совместных с французами и американцами фильмов. С 1990 года работал в «ВИДе», и уже потом пришел сюда, в студию «Политика» (теперь «Резонанс»). — В. В.).

В. — Я впервые переступила порог «Останкина» в конце 70-х, бу-

ДВЕ ЛЮБВИ АЛЕКСЕЯ ПИМАНОВА

дучи еще студенткой факультета журналистики. А потом жизнь складывалась так, что и за границей пришлось поработать, и диссертацию написала, и даже дочь произвела на свет. А вот основную свою мечту — окончательно осесть на телевидении — смогла осуществить только четыре года назад, когда закрывали «Взгляд», и Влад Листьев, мой бывший однокашник, задумывая новую программу, пригласил меня принять в этом участие. Так я стала первым редактором «Поля чудес». Когда программа встала на ноги, я со спокойной совестью занялась серьезной журналистикой, уйдя вместе с Алексеем в студию «Политика». А дальше родилась программа «За Кремлевской стеной».

— Как вы пришли к идее создания своей передачи?

А. — Наша мечта была: сделать передачу обо всем, наподобие «Ступеней». Не будем долго объяснять, но это очень тяжело осуществить. Самое сложное на телевидении — не снять новую программу, а поставить ее в эфир. На тот мо-

мент в студии «Политика» дела шли отнюдь не блестяще, и нам предложили туда перейти. А так как эта студия носила пугающее название «Политика», нам пришлось из одной рубрики своей программы сделать целую передачу. Так и по-

явилась «За Кремлевской стеной».

— Раньше бывало мнение, что человек, который отвечает в «Останкино» за политику — это страшный человек. К Алексею, теперь уже директору студии «Резонанс», такое утверждение в какой-то мере подходит или нет?

В. — Ну, во-первых, за политику в «Останкино» отвечают другие люди. Алексей возглавляет одну из студий с приоритетом политики, вот и все. Думаете, мы случайно переименовали студию в «Резонанс»? Мне трудно быть объективной, но не скрою, поначалу боялась, что, будучи очень доброжелательным человеком в жизни, Алексей не сможет проявить достаточной жесткости, когда это потребуется. Теперь понимаю, что ошибалась. А главным его качеством считаю объективность, умение абстрагироваться от личных симпатий и антипатий.

А. — Понимаешь для меня самое важное — человеческие отношения. Я уверен, что нельзя быть лишь наполовину порядочным, как это пытаются делать многие на ТВ. А виновата во всем предэфирная психо-

логия. Когда люди останавливаются в шаге от эфира, а периодическое появление на экране очень быстро приводит к известности, они начинают вести себя несколько по-другому. Конкурентов здесь бьют наотмашь. Ну, а дальше срабатывает

закон конуса: чем выше, тем теснее. И надо быть очень уверенным в себе человеком, чтобы не растеряться и не начать играть по тем же правилам.

— Бывают ли между вами дискуссии на политические темы или вы уже достигли полного консенсуса?

А. — Вне работы мы стараемся поменьше говорить о политике, э так как мы на работе с утра до вечера...

В. — Разногласия у нас бывают в чисто профессиональном плане. В первое время это очень тяжело на моих слез, истерик. Леша на съемках очень жесткий человек. Правда, теперь мы научились работать спокойно.

А. — Я — режиссер на съемочной площадке. Отсюда и все проблемы. В первое время мы никак не могли отбросить в сторону наши личные взаимоотношения. Трудно это и теперь, но вроде бы нам удалось найти золотую середину.

— Алексей, как ты считаешь, сколько тебе надо времени, чтобы

сделать студию такой, какой ты ее себе представляешь в идеале?

А. — Еще в феврале здесь был жуткий развал, черная дыра, куда проваливалось все. И казалось, сдвинуть эту машину быстро не удастся. Лучше создавать новое, чем

реанимировать старое. Сколько грязи на нас вылили за это время! И, слава Богу, что шаг за шагом удалось вытянуть студию из прорыва. Ее сейчас хвалят и ругают, критикуют и обсуждают, а значит, студия зажила.

Все, что касается планов, которые мы наметили, — дай Бог, к лету следующего года осилить половину из них. Хватило бы нервов. Закон конуса работает... А пока впервые за три года мы едем отдыхать: мне просто не терпится лечь на песок и ни о чем не думать.

В. — Алексей только так говорит. Он даже в отпуске будет скупать все газеты и читать их без перерыва.

А. — Ну и что, для меня получение информации — это не работа. Это удовольствие. Вся наша работа делится на две части. Первая — накопление информации, вторая — выплескивание ее. Так что будем отдыхать. Хорошо, что есть на кого, теперя оставить студию. Это раньше стоило мне на несколько дней уехать, там бы такого натворили. Слишком много было «доброжела-

телей». Даже вспоминать не хочется...

— Ну, а как у вас со свободным временем?

В. — Ха! С этим директорством наша личная жизнь растворилась в останкинских коридорах. Мы теперь очень редко бываем в театре, в гостях, гуляем по Москве. Естественно, что я отношусь к этому очень болезненно.

А. — Я исправлюсь.

В. — Ну-ну!

А. — Что поделаешь, все через это проходят, даже раскручивая одну программу, а тут еще и студия. Хотя все складывалось очень тяжело. Была, например, ситуация, когда нашу программу «затоптали». Нас просто взяли и выкинули из эфира...

В. — Мы долго не могли понять, с чем это связано. Даже и подумать не могли, что все это из-за личных мотивов.

А. — Только сейчас, выходя стабильно в эфир, мы получили высокий рейтинг. Но нет худа без добра. Та ситуация с программой стала переломной. Именно из-за нее я принял предложение стать директором студии. Надо защитить себя и людей, которые в этом нуждаются, от любых «личных мотивов». У нас ведь как принято: бьют только заметные программы. Сколько серости выходит за неделю, а ругают или хвалят от силы два десятка программ. Часто бьют просто из зависти. И вот здесь я обязан защитить тех, с кем работаю. Иначе грош мне цена. Беседовал

В. ВЛАДИМИРСКИЙ.

20.08.93